

За 60 лет Советской власти неузнаваемо изменились культура и быт малых народов Сибири. Школы, больницы, дома культуры, клубы и телевидение прочно вошли в жизнь колхозного села; сложились кадры местной интеллигенции. Но все эти перемены произошли не сразу, а в упорной борьбе со старым, которое шаг за шагом сдавало свои позиции... В моих полевых дневниках сохранились любопытные записи, показывающие, какими путями шло разложение шаманского культа у хакасов.

* * *

В июле 1947 г. в бельтирском улусе Малый Монок Аскызского района Хакаской автономной области собирала этнографические материалы небольшая группа научных работников, состоящая из автора статьи, А. И. Гладышевского, Д. Е. Хайтуна и переводчицы А. Бытовой. Всех нас интересовали пережитки дохристианских верований и обрядов хакасов.

Естественно, большое внимание уделялось сведениям, характеризующим хакасское шаманство.

В рассказах о шаманах (*хам*) местные жители подчеркивали наследственную предопределенность их занятия. Шаманский дар доставался по мужской линии от отца или деда после их смерти. Получение дара шаманства означало и приобретение духов-помощников (*тёс*, мн. число *тёстер*), прежде принадлежавших умершему шаману. Из бесед с нашими информаторами создавалось впечатление, что четкого представления о природе духов-помощников у населения не было. Кое-кто считал *тёс* душой жившего некогда шамана, в связи с чем некоторые хакасы считали, что у шамана душа не *хут*, как у всех прочих людей, а *тёс*¹. Душа — *тёс*, согласно этому мнению, является основой могущества шамана, способности камлать с помощью духов. Духи-помощники, как и положено духам, обыкновенным людям невидимы. Шаману же, как нам говорили, духи являются в образе разных животных — волков, зайцев, лисиц, орлов, ястребов, даже лягушек и змей. Встречались люди, утверждавшие, что *тёс* — это и есть различные звери, а не только принявшие тот или иной образ животных духи. По степени могущества шаманы делились на девять разрядов, в зависимости от того, какими были их духи-помощники. Самым «сильным», девятого разряда, считался тот шаман, у которого среди духов-помощников был *тёс-медведь*². При камлании

¹ Н. Ф. Катанову также было известно объяснение, что шаманские духи-помощники — души прежде умерших шаманов и людей, им покровительствовавших (Н. Ф. Катанов. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1897 г. в Минусинский уезд Енисейской губернии. Казань, 1897, с. 25.)

² У якутов также самыми могущественными считались шаманы, в числе духов-помощников которых «есть медведь» (Д. К. Зеленин. Культ огня в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.—Л., 1936, с. 390.)

духи-помощники выполняли различные поручения шамана: отгоняли враждебных духов (*чобал-тёс, хара-тёс*), сопровождали его в путешествиях, ловили нужную шаману душу и т. п. «Тёси ходят в воздухе, под землей и под водой», — говорили хакасские старики. Духи помогали шаманам и тогда, когда они боролись друг с другом, состязаясь в силе.

Наши информаторы были убеждены, что шаманский дар давался человеку после тяжелой болезни, длившейся несколько лет. Это духи-помощники умершего шамана мучили его, заставляя шаманить. Отказаться камлать или прекратить шаманить, раз начав, нельзя — духи убьют! По рассказам большинства наших собеседников, шаманского обучения у хакасов не было. Только у качинцев нам сообщили о бытовавшем раньше обряде посвящения: «Старый шаман приезжал, и семь девушек и семь ребят (его) водкой поили. Потом шаман одевался и во-дил (за собой) молодого, учил. Потом шли к горе, она открывалась, а там — хозяин горы (*таг ээзи*). Старый шаман камлал и просил у него для молодого: «Одежду дай (т. е. шаманский костюм), людей дай (т. е. духов-помощников), разреши шаманить».

Для первых послевоенных лет шаманство в Хакасии еще не было явлением, окончательно ушедшим из быта. Тяжелые годы войны вызвали некоторое оживление деятельности шаманов. К ним обращались, желая узнать судьбу ушедших на фронт близких — отца, мужа, сына. Камлая, шаман воспроизводил шум боя, «вслушивался» в стоны раненых, по голосам «узнавал», жив ли, цел ли тот, о ком тревожились его родные. Нам называли имена шаманов, которые пользовались популярностью в том или ином районе. У бельтиров, например, славился шаман Кызласов из глухого улуса того же названия, у шорцев — Садак Палий, самый «сильный» шаман в пределах притаежных улусов бассейна р. Тён. В Усть-Абаканском районе шаманил умерший в начале 40-х годов Шапошников. В то же время из рассказов наших собеседников яствовало, что хакасское шаманство вырождается, упрощается, теряет многие традиционные черты.

Шаманы, продолжавшие в 40-х годах занятие своих предков, предпочитали иметь дело только с известными им людьми, держались привычной среды и избегали камлать в присутствии посторонних, поэтому у нас не было большой надежды, что удастся увидеть камлание (*хамидых*) своими глазами. Но неожиданно нам повезло.

Работе этнографической группы деятельно помогал молодой директор местной школы Н. М. Ултургешев. Его участие в сборе материалов было настоящей удачей для нас. Он был местным человеком, родом из того же улуса. Более того, шаманами были его дед и дядя по материнской линии (дядей ему приходился сам знаменитый Кызласов!). Неудивительно, что Н. М. Ултургешев был хорошо осведомлен в вопросах, связанных с разными сторонами шаманской деятельности. Именно он и помог нам попасть на камлание.

Вечером 21 июля Н. М. Ултургешев, придя в дом, где разместились этнографы, шепотом сообщил мне, что в соседнем доме у 34-летнего бельтира Григория Нербышева должно состояться камлание. У Нербышевых болел сынишка, которому шел третий год. Чем он был болен, родители не знали, к врачу не обращались, решили пригласить шаманку. Кроме того, некоторое время назад корова Нербышевых стала давать мало молока, и была надежда камланием вылечить ребенка, а заодно и увеличить удой молока у коровы.

Своего шамана в Малом Моноке не было. Г. Нербышев съездил на лошади в улус Верхний Сос и привез шаманку, которая остановилась у него в доме. Н. М. Ултургешев уже знал о ее переговорах с хозяином. Шаманка заявила, что ей предстоит «совершить большой путь» (т. е. камлание), для чего необходимы на время обряда 18 хакасских одежд. Такого количества традиционных одеяний в небогатом доме Нер-

бышевых не было, собирались взять их у соседей и родственников, поэтому камлание отложили на вечер 22 июля. Можно ли будет присутствовать этнографам? Н. М. Ултургешев обещал все устроить и договорился с Г. Нербышевым, с которым мы еще не были знакомы, что этнографам будет позволено находиться в доме (при условии, что мы выдадим себя за хакасов).

Днем 22 июля шаманка провела камлание в двух других домах улуса. Г. Нербышев, работавший в составе колхозной бригады, вернулся домой поздно, в половине одиннадцатого. После того, как Нербышевы поужинали вместе с шаманкой, Н. М. Ултургешев привел меня и А. И. Гладышевского в их дом — небольшую бревенчатую однокамерную избу (*тура*). Я была в хакасском платье и платке, повязанном так, как этого требовал местный обычай. На плечи был наброшен ватник. А. И. Гладышевскому переодеться не пришлось, потому что городская одежда в те годы уже получила достаточное распространение в хакасских улусах. Вскоре вслед за нами пришла А. Бытцова со своей двоюродной сестрой М. Бытовой, местной учительницей; в доме которой она и жила, пока мы находились в Малом Моноке. Кроме нас, гостей, на камлании присутствовало всего несколько человек: хозяин с хозяйкой и их двое детей, которые в начале обряда спали, девочка — родственница, помогавшая хозяйке нянчить малыша, да какой-то мужчина (хакас), даже во время камлания спавший на полу за столом.

Когда мы пришли к Нербышевым, шаманка сидела на полу около топящейся железной печки и курила трубку. Это была невысокая темноглазая женщина средних лет, с полным, бледным, довольно приятным лицом. Из-под повязанного по-хакасски платка спускались на спину две черные косы, еще не тронутые сединой. Она была одета в серенькое платье (*когенек*), безрукавку (*хамзол*) и черные кожаные сапоги на твердой подошве (*сагыр*) — типичный костюм пожилой хакаски.

До камлания шаманка разговаривала с присутствующими то по-хакасски, то по-русски с непринужденностью человека, привыкшего к вниманию общества.

Она обратила внимание и на меня, спросив у хозяина, почему я не участвую в общей беседе. «Она — учительница, недавно приехала и никого еще не знает», — отвечал Г. Нербышев. В разговоре шаманка считала нужным заявлять: «Не умею шаманить», «Пусть сам Григорий шаманит». Она говорила, что вина для камлания мало, и порой вообще отказывалась шаманить, хотя всем было ясно, что камлание состоится. Имя ее нам избегали называть, поэтому я и не делала попыток выяснить, как ее зовут. Зато уже до начала обряда мы знали, что население не считает эту шаманку «сильной» и относит лишь ко «второму разряду», так как в числе ее духов-помощников не было ни медведя, ни волка, ни какого-либо другого хищного зверя.

Во время разговора шла подготовка к предстоящему обряду. Еще загодя шаманка проинструктировала хозяев, не имевших представления о ритуале, как нужно себя вести во время камлания, в чем хозяин должен ей помогать. Следуя ее указаниям, хозяйка развесила на волосной веревке, протянутой под потолком из переднего левого угла в правый, к двери, собранные по улусу 18 одежд, преимущественно национальные женские платья, которые заняли всю веревку. Все одежды были вывернуты наизнанку. Как объяснил Н. М. Ултургешев, только на другой день шаманка должна была перевернуть их на правую сторону. Эти одежды во время камлания служили вместилищем духов-помощников шаманки³.

³ Ср. «вместилище» духов (*эзрен*) в чуме шамана у тувинцев-тоджинцев: развешивание лент, части шаманской одежды, шкурок белок, изображений людей и животных и т. п. «Шаман во время камлания обращается к ним как к своим духам-покровителям». (С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961, с. 185.)

Под веревками с одеждой хозяйка поставила на полу в двух деревянных чашках (*аах*) и трех закрытых тесках вареную картошку, перемешанную с разломанными на куски печеными лепешками. Чашки и тески должны были заменить необходимые по ритуалу традиционные «шестиобручные чаны» (*алты сыхтыг сапчак*), которых не смогли найти в улусе. Под тески подложили прошлогоднюю траву, принесенную хозяином из погребца. Затем Григорий вылил вино в большую деревянную чашку, стоящую на столе. Шаманка требовала, чтобы чашку с вином поставили на низенький столик, какие прежде бывали в хакасских юртах, или на доску на пол, но ни того ни другого в доме Нербышевых не оказалось. Чашка с вином осталась на столе.

Когда приготовления к обряду были закончены, хозяин сказал: «По-ра начать». Шаманка еще раз сказала, что не может шаманить, но встала, сняла с себя безрукавку и повесила ее на гвоздь у двери. Наши информаторы неоднократно описывали нам особое одеяние прежних шаманов — шубу (*тон*) и шапку (*пёрік*) с нашитыми цветными ритуальными лентами (*чалом*), белыми раковинами каури (*чыланъ-мас*), бубенчиками (*хонъра*), медвежьими костями, перьями птиц и даже в ряде случаев целыми крыльями орла-стервятника («чтобы легче было поймать *тосей...*»). В эти детали шаманского костюма якобы воплощались духи-помощники. Но шаманка, стоявшая перед нами, не стала облачаться в какие-либо необычные одежды. Все ограничилось тем, что хозяйка подала ей длинный шерстяной пояс, которым шаманка обернула себя два раза немного ниже талии, и, таким образом, «снарядила себя» в «путешествие» в обитель главного духа (*Улуҕ төс*)⁴. Затем шаманка взяла со стола чашку и деревянной ложкой, плеснула вином на висящие одежды, в огонь в печке и в открытую дверь, протяжно произнося «шоо... шоо» — слова, понятные только ей⁵. Это было возлияние добрым духам, в том числе духу огня (*от іче*)⁶. На время камлания шаманка запретила присутствующим прикасаться к какому-либо огню и курить, видимо, в целях обеспечения благосклонности духа огня.

После этого шаманка пригубила вино из небольшой деревянной чашечки, куда его немного налила из большой, дала выпить хозяйину и хозяйке и потребовала у них большой платок, который должен был заменить ей бубен (*түүр*). Шаманка сложила платок так, что получился сверток длиной приблизительно в полметра и шириной около 30 см. На этом приготовления закончились.

Камлание должно было инсценировать трудное и продолжительное путешествие шаманки к главному духу, ее борьбу с враждебными духами, в которой ей оказывали помощь духи-помощники, и встречу с главным духом, а в результате встречи — возвращение больному мальчику его души, необходимой для его выздоровления.

Шаманка взяла сложенный платок в правую руку, левой закрыла лицо, зевнула⁷ и, открыв лицо, начала камлание. Сначала она «выгнала» из дома злых духов (*хара төс*), размахивая сложенным платком и заклиная их, потом уже приступила к собственно камланию.

⁴ В 40-х годах пояс (*хур*) носили поверх платья исключительно пожилые хакаски; мужчины же, как правило, отправляясь в дорогу, подпоясывали им верхнюю одежду. См. Ю. А. Шибанова. Одежда хакасов. Сталинабад, 1959, с. 100, 101.

⁵ Присутствовавшие на камлании хакасы отмечали, что в обращениях шаманки к духам и в ее заклинаниях было мало общеупотребительных хакасских слов, и поэтому многое им осталось непонятным.

⁶ О духе огня см.: Ю. А. Шибанова. Пережитки эпохи матриархата у хакасов. — «Сов. этнография», 1948, № 1, с. 204; С. В. Иванов. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. — «Сборник музея антропологии и этнографии» — далее «Сб. МАЭ», т. XVI, М. — Л., 1955, с. 169—171.

⁷ Зевок шаманки был не только признаком ее нервного возбуждения перед камланием, но, возможно, ритуальным знаком, свидетельствующим, как, например, у кетов, что «с каждым зевком в шамана входят один за другим подвластные ему духи». См. Д. К. Зеленин. Указ. раб., с. 366, 367.

Теперь ее действия происходили в части дома, свободной от вещей, между печкой и висевшими одеждами. Закрыв глаза⁸, шаманка ритмично хлопала платком о ладонь левой руки⁹ и уверенно, в такт хлопкам, передвигалась мелкими шагами по дому. Она то плавно приседала, то как бы пританцовывала и все время произносила нарастающее заклинание. Ее голос порой звучал высоко и напевно, порой становился низким и грубым, напоминающим рычание какого-то зверя.

Все присутствующие затихли. Мы, гости, внимательно всматривались и вслушивались в то, что делала шаманка, и только изредка шепотом переговаривались. В доме царил полутьма. На столе горела небольшая без стекла керосиновая лампа да из топившейся железной печки падали неяркие блики света. Дверь на улицу была открыта, за ней — густая темнота безлунной летней ночи. Вокруг в улусе все уже спали и было тихо...

Шаманка собирала своих духов-помощников. К каждому из них она обращалась отдельно. Все время двигаясь и хлопая платком, она призывала духов и словами и свистом, упоминая о их местопребывании, такую-то конкретную гору или речку; не раз, разыскивая духов, она ложилась на пол, прислушивалась.

Явившийся тос, считалось, входил в одну из одежд, висевших на веревке. Шаманка с каждым здоровалась, проверяла, тот ли дух, нюхала платье, едва внятно произнося что-то похожее на «пшол, пшол». Духи ей отвечали гортанными «потусторонними» голосами. Потом она проводила по платью платком, «собирая» духов в него, как раньше шаманы «собирали» их в свой бубен. Вызвав младших духов-помощников, она послала их за старшими и, встречая, «здоровалась» с ними, «разговаривала» и т. д.¹⁰

Равномерные хлопки платка по ладони, напевный голос шаманки в тишине ночи, однообразие ее повторяющихся движений производили порой усыпляющее действие. Я оглядела немногочисленных зрителей, в молчании наблюдавших за шаманкой, и вновь вспомнила рассказы стариков о том, что прежде в юрту, где камлал «сильный» шаман, набивался весь улус. Людей влекло к шаману не только любопытство. Все знали: оставаться дома очень опасно, шаман мог съесть такого человека с помощью своего тос'я-медведя. Те, кто не мог покинуть свой дом, обязательно клали на порог и на дымоход что-либо острое, например кося. Тос-медведь мог «съесть» и самого шамана. Разве не это было причиной смерти молодой и «сильной» сагайской шаманки Иры (Манонь), умершей в конце 1940-х годов? Многие старики были убеждены, что ее «съел» собственный тос-медведь...

Между тем шаманка пригубила вино из маленькой деревянной чашечки, дала выпить хозяину и бросила чашку вместе с ложкой, которой наливала вино, на пол. Хозяин тотчас наклонился посмотреть, как они упали. Увидев, что обе вещи лежат дном кверху, он закричал: «Ахтерк! (Удачно, хорошо)». Так шаманка гаданием проверяла готовность своих духов-помощников сопровождать ее и охранять от враждебных духов в трудном путешествии и выполнять все ее поручения.

⁸ У тувинцев-тоджинцев шаманы также камлали с закрытыми глазами. См. С. И. Вайнштейн. Встреча с «великим» шаманом. — «Природа», 1975, № 8, с. 83.

⁹ По рассказам наших информаторов, при камлании с бубном хакасские шаманы также держали его в правой руке и ударяли по нему колотушкой, которую держали в левой руке.

¹⁰ Собирая своих духов-помощников, шаманка ни разу не упомянула слова «дух», «духи» (тос, тостер). Вероятно, она произносила название того или иного животного, например лисицы (түлөй) или лягушки (пага), как обычно называли духов-помощников шамана наши информаторы-хакасы. Запись во время камлания вести было нельзя, а духов у шаманки было много, и даже мои спутники-хакасы, присутствовавшие на камлании, не смогли запомнить их имена и названия мест, откуда они прибывали.

Шаманка проверила готовность духов еще раз, опять бросила чашку и ложку на пол — они упали уже дном книзу. Хозяин опять посмотрел и закричал: «Албыс албы! (Плохо)». Повторное гадание показало, что духи не совсем готовы. Шаманка снова разговаривала с духами, нюхала платя, проводя по ним платком.

Затем хозяйка, стоявшая все это время у печки, взяла спящего больного ребенка на руки и села с ним на пол перед печкой. Теперь обряд совершался около ребенка: шаманка ходила вокруг него по движению часовой стрелки и обмахивала платком, произнося заклинания (это повторилось около 10 раз). Лишь после этого она отправилась в путешествие к главному духу. Ритмично, слегка приседая, двигалась она по всей свободной площади дома, а хозяин сзади подсыпал золу ей под ноги. Шаманка устремилась со своими духами на запад, вниз по течению реки в страну Соойотен чирбе¹¹, называя местности, речки и горы, которые были на ее пути, все время произнося заклинания. Постепенно плавные шаги шаманки перешли в кружение. Она кружилась все быстрее, быстрее. Правая рука с платком была поднята. Время от времени она произносила «рр...р».

Наконец она «прилетела». Наступила кульминационная часть камлания, действия шаманки, став особенно выразительными, приковали все внимание присутствовавших и даже больной ребенок проснулся.

На начальной стадии переговоры с главным духом шли при посредстве духов-помощников. Символизируя их деятельность, шаманка время от времени ударяла платком, вела разговор на два голоса, делая несколько плавных движений по дому.

Потом шаманка замерла у одежд, висевших на веревке. Стоя спиной к присутствовавшим, она почтительно склонилась вперед, заложив одну руку за спину, а другой закрыв лицо от могущественного, страшного Главного духа. Это была поза поклонения. Теперь она уже сама вела с ним беседу. Робким, тихим просительным голосом шаманка обращалась к духу. Сначала она молила впустить ее к нему, сообщила, откуда она («от Григория»), просила ее выслушать, а допущенная к духу умоляла вернуть душу больному ребенку, говоря, что он погибает, что он уже «исхудал как жеребеночек», что «у него на ключицах стало две ямочки». Главный дух отвечал низким грубым рычанием, нечеловеческим, потусторонним. Создавалась иллюзия, что шаманка действительно предстала перед кем-то из нездешнего мира, существом страшным и могущественным...

Реплики шаманки становились продолжительнее, голос ее звучал увереннее, два раза она даже засмеялась. Наконец, она велела хозяину налить вина, так как дух хочет выпить воды «из того ключа, из которого даже собаки не пьют»¹².

Шаманка понюхала вино в чашечке, пригубила и дала выпить хозяину и присутствовавшим на камлании мужчинам. «Напоив» таким образом Главного духа, шаманка запела, обещая ему богатое угощение в «золотой чаше». По обычаю, это должна была быть туша специально для камлания резанного коня. Но в трудные послевоенные годы Главный дух должен был удовлетвориться туманными обещаниями шаманки. Улуг тбс проявил понимание обстановки. Он смягчился, и шаманка получила от него просимую душу, которую она «обмотала» вокруг себя, несколько раз плавно и неторопливо обмахнув себя платком.

Затем следовала инсценировка обратного «полета» шаманки, теперь уже на восток. «По пути» она перечисляла те реально существующие

¹¹ Соойотен чирбе — «земля соойотов» (тувинцев). Так как хакасы-бельтиры — выходцы из Тувинской автономной области, бельтирка-шаманка считала, что именно там обитал Главный тбс.

¹² По словам Ултургешева, во время камлания так говорят о вине.

местности, которые она «пролетала», возвращаясь: реки Бия, Карасуг и т. д. Повторилось ее кружение с поднятой правой рукой с платком; хозяин опять подсыпал ей сзади под ноги золу. Но теперь она «несла» душу и поэтому время от времени успокаивала ее тихим «хр...хр».

«Влетев» в дом через трубу, шаманка «отдала» душу больному мальчику: мать встала с ним у печки, шаманка несколько раз обмахнула ребенка по кругу платком-бубном и дважды дунула ему в рот — «вдунула» в него его возвращенную душу. Чтобы «закрепить» ее в теле, шаманка велела матери дать ребенку молока.

На заключительном этапе камлания шаманка разгоняла платком духов-помощников, выпроваживая их из дома в дверь и трубу. После этого она остановилась, закрыла лицо рукой и сильно зевнула. Потом отняла руки от лица, широко раскрыла глаза и засмеялась.

Взяв несколько кусков приготовленного угощения, шаманка бросила их через дверь на улицу, угощая своих духов, кинула пару кусочков в огонь, брызнув туда же вином, принося жертву «матери огня».

Все поднялись, заговорили. Хозяин предложил шаманке угощение, посторонние ушли...

Сразу после окончания обряда, в ту же ночь, вместе с Н. М. Ултургешевым, А. И. Гладышевским и сестрами Бытовыми я сделала по возможности более детальное описание увиденного¹³. К сожалению, активно хакасским языком я не владела, и помощь хакасских друзей была очень кстати.

* * *

В описании камлания, сделанном нами, ясно видны отдельные пробы и упущения. Тем не менее и сейчас, по прошествии 30 лет, этот материал представляет несомненный интерес. Он дает конкретный пример того, какие формы имело хакасское шаманство в конце 40-х годов. Мы много пишем о процессе отмирания религиозных верований, но, к сожалению, наши публикации не изобилуют фактическим материалом, показывающим, какими путями происходило и происходит разложение традиционных воззрений и ритуалов. Приведенное здесь описание обряда убедительно говорит о том, что шаманский культ у хакасов в первые послевоенные годы был отмечен явными признаками далеко зашедшего вырождения.

Наблюдавшееся нами камлание было коротким, продолжалось всего 1 час 40 мин., в то время как раньше оно длилось в течение всей ночи, а иногда и больше.

Присутствовавшие на камлании хакасы отмечали, что оно не было особенно эффектным и что другие шаманы, которых они видели прежде, камлали «выразительнее». Об этом же свидетельствуют и литературные материалы. Так, в прошлом столетии шаманы, камлая, приходили в иступление, кричали до изнеможения, падали на землю, перепрыгивали через огонь и т. п. Заканчивая обряд, шаман мог с рыданием броситься к двери, не желая выпускать из юрты своих дорогих гостей — духов-помощников. Другие шаманы кидались в костер, хватали горящие угли и т. д.¹⁴

¹³ А. И. Гладышевский впоследствии использовал свои наблюдения в кандидатской диссертации «Шаманизм в Хакасии и его реакционная сущность». М., 1954.

¹⁴ «Енисейские епархиальные ведомости», 1886, № 1, с. 11. О хакасском шаманстве см. также: М. А. Александров. О религиозном воззрении минусинских инородцев. — «Енисейские епархиальные ведомости», 1888, № 25; В. К. Суховской. Остатки языческой обрядности у кивинских инородцев. — «Енисейские епархиальные ведомости», 1884, № 21; его же. О шаманстве в Минусинском округе. — «Известия Общества археологии.

В камлании, которое нам удалось наблюдать, духи-помощники играли меньшую роль, чем в действиях других шаманов, происходивших ранее. Так, шорка Тыгдымаева рассказывала, что когда раньше камлала, то до обиталища главного духа добирались впереди шамана его духи-помощники. Она приводила слова Главного духа: «Кто идет, моим собакам покою не дает?». Улуу тос разгневан, не открывает свою дверь и не выпускает духов шамана. Они кланяются ему и долго просят открыть дверь и впустить их и выслушать, зачем они пришли.

По рассказу Ултургешева, во время камлания шамана Апсания душу ребенка «ловил» и «загонял» обратно в тело больного дух-помощник шамана сокол (*ылачын*). Этот шаман говорил: «Вот мой сокол гонит душу, вот он близок, у дымового отверстия юрты (*түндүк*), вот душа, которую преследует мой сокол, залетела в юрту». «При последних словах, — рассказывал Н. М. Ултургешев, — большой сел!».

В прошлом сагайские шаманы, камлая, не «выпрашивали» душу больного ребенка у Главного духа; ее «отнимали» в кровопролитном бою шаманские духи-помощники у душ «детского царства», находящегося где-то в особо глухом ущелье в дальних горах. Отвоеванную детскую душу брал под свое правое крыло дух-помощник орел (*хара хус*) и приносил шаману¹⁵.

Шаманка в Малом Моноке камлала с платком вместо бубна. А между тем, как известно, бубен играл в шаманском ритуале первенствующую роль. По существу изготовление бубна, его «оживление» — это процесс становления шамана¹⁶. Шаман и бубен были неразрывны: для шамана бубен — это «конь», об этом хорошо знали наши информаторы, и в то же время «вместилище» его духов-помощников, его сила и могущество! Поэтому бубен, обтянутый кожей маралов или других диких животных (а у кацинцев — свежей шкурой только что специально убитого коня), являлся неотъемлемым атрибутом шаманского действия. Г. И. Кыштымов подчеркивал, что хакасские шаманы камлали обязательно с бубном и что без него шаманили только начинающие шаманы «первого разряда»¹⁷.

В Хакасии наряду с профессиональными шаманами, которые, как считалось, обладали шаманским даром, имели духов-помощников и шаманское снаряжение (одеяние, бубен), были и непрофессиональные шаманы — *чильбегчи*, которые лечили и гадали. Они не имели бубна и камлала с полотенцем, платком, рукавицей¹⁸. Однако шаманка, приглашен-

истории и этнографии при имп. Казанском университете», т. XVII, 1901; Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900; И. Каратаев. Черты внешнего быта кацинских татар Минусинского округа. — «Известия имп. Российского географического общества», 1884, т. XX; Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. — Приложение к «Запискам имп. Академии наук», т. XXIII, СПб., 1893; Н. П. Дыренкова. Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен. — «Сборник МАЭ», т. IX, Л., 1930; Д. Е. Хайтун. Пережитки тотемизма у хакасов. — «Труды Таджикского гос. университета», т. XXII, вып. 1, Сталинабад, 1959.

¹⁵ «Енисейские епархиальные ведомости», 1902, № 8, с. 213.

¹⁶ См., например, Л. П. Потапов. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая. — В сб.: «Памяти Д. Н. Анучина (1843—1923)». «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. I, М. — Л., 1947, с. 162.

¹⁷ См. описание коллекции МАЭ № 2390-з, собранной Г. И. Кыштымове.

¹⁸ Полевые материалы, собранные в Хакасской авт. обл. в 70-е годы и любезно сообщенные нам М. С. Усмановой — сотрудницей Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского гос. ун-та. Чильбегчи — делающие ветер — были известны в хакасском быту и в конце прошлого — начале нашего столетия, но их ритуальная функция была несколько иной. См. В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX. Тексты и переводы Н. Ф. Катанова. СПб., 1907, с. 411, 493, 502—505, 562, 578. По определению Н. Ф. Катанова, чильбегчи — «человек, умеющий махать всером шамана» (там же, с. 411). У алтайцев (кумандинцев) «до изготовления первого бубна шаман часто камлал с помощью „алаас“, т. е. холщевой тряпки, привязанной к палочке. Во время камлания шаман помахивал этой тряпочкой». (Л. П. Потапов. Указ. раб., с. 166).

ная Нербышевыми, прежде обладала и бубном и шаманским костюмом. (К сожалению, нам не удалось выяснить, почему она не использовала их в описанном ритуале.)

Правда, и раньше, по свидетельству Г. И. Кыштымова¹⁹, сагайский шаман надевал шаманский костюм только тогда, когда ему было нужно явиться к духам-ханам, не являющимся его помощниками. Но прежде шаманы хакасов все же предпочитали шаманисть в соответствующем костюме, да и позже были случаи, когда они камлали в своем шаманском одеянии. Так, в 50-х годах нам стало известно, что кызыльская шаманка в эти годы камлала в особой шубе (тон) из шкуры дикой козы, летней, «красной», шерстью вверх, обшитой старинными пуговицами и патронами, которые гремели при камлании, и в шайке (пöрик) с перьями кукушки и металлическими пуговицами²⁰.

Шаманили шаманы прежде только в юртах, которые были исконным хакасским жилищем. Постепенное исчезновение их у хакасов привело к нарушению этого обычая. В описанном камлании не были соблюдены и другие традиции. Мужчина, по старым правилам, мог помогать только шаману; шаманке должна была помогать женщина. Между тем в Малом Моноке шаманке помогал большей частью хозяин, который во время камлания стоял наготове около стола.

Как уже говорилось, для камлания раньше закалывали коня, вареное мясо которого и должны были помещать в «шестибручные чаны». Это мясо было угощением Главному духу, жертвой, приносимой ему при камлании. После камлания хозяину полагалось угощать всех присутствовавших, в первую очередь шамана, причем главную роль в угощении шамана и гостей и должно было играть это жертвенное мясо. В нашем случае хозяин обошелся без обильного угощения шаманки и гостей; чисто символические подношения были предложены и Главному духу.

В старину вино должно было стоять на маленьком столике, который полагалось покрывать шкурой барана, шерстью вверх, а приготовленное угощение оставлять открытым, так как духи должны были «очистить» питье и еду²¹. Шаманка должна была угощать вином всех присутствующих. Это также не было соблюдено.

Таким образом, в описанном нами обряде сохранялось уже сравнительно немного элементов из всего комплекса хакасского шаманского культа; исчезли, в первую очередь, наиболее сложные шаманские представления и заметно упростился весь ритуал камлания и его атрибуты.

¹⁹ См. описание коллекции МАЭ № 2390-з, собранной Г. И. Кыштымывым.

²⁰ Ср. описание костюма кызыльской шаманки (Ю. А. Шибеева. Одежда хакасов, с. 87, 88).

²¹ «Енисейские епархиальные ведомости», 1902, № 8, с. 340.